

A detailed marble bust of Constantine the Great, showing his face in profile, looking slightly to the right. He has curly hair and a serious expression. The background is a warm, golden-brown color.

Якоб Буркхард

ВЕК

КОНСТАНТИНА
ВЕЛИКОГО

Ц Е Н Т Р П О Л И Г Р А Ф

Якоб Буркхард

Век Константина Великого

«Центрполиграф»

Буркхард Я.

Век Константина Великого / Я. Буркхард — «Центрполиграф»,

В книге описывается переходный период от Античности к Средневековью, ознаменовавшийся приходом и укреплением в Римской империи новой религии – христианства. Автор дает оценки исторической роли императора Константина Великого, который сначала завоевал римский мир, а затем обратил его в новую религию, сохраняя языческие культы и последовательно проводя централизацию государственного аппарата.

Содержание

РОДОСЛОВНАЯ КОНСТАНТИНА	6
Глава 1	7
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Якоб Буркхард

Век Константина Великого

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Глава 1

ИМПЕРАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ В III СТОЛЕТИИ

В этом описании временного отрезка от воцарения императора Диоклетиана до смерти Константина Великого каждый раздел потребует собственного введения, так как события расположены не хронологически, по периодам правления, но согласно основным тенденциям развития. Если же необходимо общее вступление ко всей работе, основным его содержанием должна стать история изменения представлений о роли и функциях императора в эпоху упадка Римской империи в III столетии нашей эры – отнюдь не потому, что все прочие аспекты истории можно вывести из статуса императорской власти, но потому, что изменения этого статуса предоставляют отправную точку для оценки множества явлений последующего периода, в том числе и в духовной сфере. Все формы правления, какие только возможны, когда закон подкреплен силой, от жесточайшей до наиболее милосердной, представлены здесь в примечательной последовательности. Под властью прекрасных императоров II столетия, от Нервы до Марка Аврелия (96 – 180 гг. н. э.), Римская империя наслаждается эпохой мира и спокойствия, которая могла бы стать веком блаженства, если бы только возможно было глубинную внутреннюю тревогу, свойственную стареющим нациям, излечить благодеяниями и мудростью пусть даже лучших правителей. Огромные достоинства Траяна, Адриана, Антонина или Марка Аврелия, как людей и как властителей, не должны заслонять от нас к тому времени уже для всех очевидного положения вещей. Три могучие силы – император, сенат и армия – неизбежно должны были стать друг другу помехой и утратить то равновесие, которое так старательно поддерживалось. Как следствие, неразбериха стала полной, когда свой вклад в происходящее внесли варварские набеги, волнения в провинциях и природные катаклизмы.

Начало было положено уже в правление Марка Аврелия. Говорить о личности этого императора излишне; из всех бессмертных идеальных образов античности философ-стоик на троне мира если и не самый прекрасный и удивительный, то, во всяком случае, достойный наибольшего восхищения. И все же он не мог не слышать угрожающего стука вестников судьбы в ворота империи. Во-первых, что касается самой императорской власти, стало совершенно очевидно, что, невзирая на систему усыновлений, связывавшую четырех великих императоров, эта власть вполне может быть захвачена путем государственного переворота. Авидий Кассий, самый крупный военачальник в стране, отважился на попытку такого переворота, хотя и безуспешную, после того как уже почти три поколения в империи блаженствовали при великолепных или, по крайней мере, милосердных правителях. Что касается Марка Аврелия, то он славился тем, что «никогда не льстил солдатам на словах и никогда не делал ничего из страха перед ними»; тем не менее Марк безропотно согласился пожаловать армию при восхождении на престол чрезмерно роскошными подарками, так что каждый воин (по крайней мере, в гвардии) получил целое состояние, а впоследствии такую сумму солдаты стали считать обычной. Из внешних неудач следует упомянуть первое насильственное вторжение в империю германско-сарматского союза племен и жесточайшую эпидемию чумы. Последние годы императора были заполнены опасной войной и тяжелыми заботами. Но даже в палатке на берегу Дуная он пытался возвыситься над сиюминутными бедами и испытаниями, мирно совершенствуясь в добродетели и взращивая божественное начало в человеке.

Как известно, по воле Марка при его сыне Коммодe (180 – 192 гг.) «лучшие из сенаторов» стали чем-то вроде регентов; по крайней мере в первые недели молодой правитель находился под руководством друзей своего отца. Но в юноше очень быстро развилось то отталкивающее имперское безумие, от которого отвыкли поколения, жившие после Домициана. Сознание власти над миром и страх перед всеми, кто может пожелать этой власти, порождают стремле-

ние наслаждаться всеми доступными благами, отринув все заботы, в том числе и не терпящие отлагательств. В результате в его характере, лишенном врожденной твердости, соединились кровожадная жестокость и сладострастие. Основания для этого заложило покушение на Коммода, в котором не была совсем уж неповинна его собственная семья, однако обвинение пало на сенат. Ничего удивительного, что, будучи ответственным за жизнь императора, префект гвардии вскоре оказался первым человеком в государстве, как уже было при Тиберии и Клавдии, и что те несколько тысяч воинов, которыми он командовал, подобно своему начальнику, ощутили себя господами в стране. Одного из этих префектов, энергичного Перенниса, Коммод отдал в руки посланцев недружелюбно настроенной британской армии, численностью в полторы тысячи человек, которая беспрепятственно дошла до Рима. Его преемника, префекта Клеандра, Коммод, когда римское простонародье подняло голодный бунт, выдал мятежникам; конечно, не без причины, ибо Клеандр своей чудовищной алчностью не только восстановил против себя верхушку общества, проводя конфискации имущества и занимаясь продажей государственных должностей, но и вызвал гнев бедноты, введя монополию на хлебную торговлю.

Когда трусливый и жестокий правитель, одетый как бог, появлялся в амфитеатре, чтобы выслушать восторги сената, жившего в постоянном страхе смерти, можно было бы задаться вопросом, заслуживает ли этот Коммодов сенат прежнего названия, если даже он все еще принимает некоторое участие в управлении провинциями и назначении должностных лиц, а кроме того, имеет собственную казну и знаки внешнего отличия. По сути, это учреждение уже нельзя было назвать римским в строгом смысле слова, так как большинство его членов составляли, по-видимому, не итальянцы, а провинциалы, в чьих семьях звание сенатора иногда становилось наследственным. Со стороны легко осуждать с презрением эту падшую группку людей, поскольку непросто представить себе, какое действие производила постоянная угроза гибели, висевшая над их родными и близкими. Современники судили более снисходительно. В своей речи к войскам Клодий Альбин, отказавшийся принять титул цезаря из окровавленных рук Коммода, счел сенат достаточно жизнеспособным, чтобы поддержать реставрацию республиканской конституции. Был ли он искренен, не так уж и важно; довольно того, что в сенат (как мы увидим) входили многие благороднейшие личности своего времени, в тяжелые времена проявлявшие энергию и решимость, когда речь шла о делах государственной важности. Даже заблуждения, под влиянием которых, как мы увидим, они зачастую действовали, далеко не всегда их позорят. Нетрудно понять, что, невзирая на присутствие отдельных недостойных людей, сенат в то время продолжал восприниматься как олицетворение если не империи в целом, то, по крайней мере, римского общества, и что он считал себя за само собой разумеющееся начальство над так называемыми сенатами или куриями в провинциальных городах. Пока еще нельзя было представить себе Рим без сената, хотя даже пользу от его существования, по-видимому, свело на нет длительное внешнее насилие.

Коммод и дальше продолжал грабить сенаторов, чтобы грандиозными дарами успокоить волнуемое население столицы, и был убит в результате обычного дворцового заговора.

Опасная тонкость в вопросе о престолонаследии в Риме заключалась в том, что никто точно не знал, кто ответственен за выбор нового императора. Династию нельзя было основать, потому что имперское безумие – удел всех не слишком одаренных сановников – периодически порождало перевороты. Даже если оставить их в стороне, распутные императоры, да и кое-кто из более добродетельных, были бездетны, и это делало последовательную преемственность невозможной. Практика усыновления восходила ко временам Августа, но усыновления могли быть признаны законными только в том случае, если приемный отец, как и новоявленный сын, обладали необходимыми качествами.

Исторически право назначения нового императора принадлежало сенату, который некогда присваивал один титул за другим божественному Августу. Но когда императоры возненавидели сенат и стали опираться исключительно на гвардию, последняя приобрела и право

избрания; это произошло незадолго до того, как началось соперничество между провинциальными армиями и преторианским лагерем в Риме. Вскоре выяснилось преимущество коротких царствований – тогда подарки преподносились гвардии чаще. Нельзя было забывать и о возможности тайных интриг со стороны определенных людей, чьи интересы могли по временам побудить их поддержать претендента, скорое падение которого они предвидели и рассчитывали на него.

И вот убийцы Коммода, как бы пытаясь оправдать свой поступок, выдвинули в качестве императора Гельвия Пертинакса, человека весьма благоразумного; и он был признан сперва солдатами, а потом и сенатом (193 г.). В знак уважения к известному Триарию Матерну гвардия получила с Пертинакса дар такого размера, по сравнению с которым подношения Коммода выглядели жалкими. Естественным продолжением стало очередное покушение, на этот раз под руководством консула Фалько. В третий раз гвардия начала прямо с убийства императора, а затем в лагере разыгралось беспрецедентное действо – императорский сан пошел с аукциона. Нашелся богатый глупец, Дидий Юлиан, который, щедро заплатив каждому солдату, купил себе несколько недель пьянства и ужаса. Но это была последняя и высочайшая степень преторианской наглости. В одно и то же время три провинциальные армии дерзнули провозгласить своих предводителей императорами, и одним из них стал угрюмый африканец Септимий Север. Тщетным оказался первый порыв Юлиана – подослать к нему наемных убийц; был некий офицер по имени Аквиллий, которого в высших сферах часто использовали для этой цели и который пользовался репутацией наподобие Локусты при Нероне. Поскольку Юлиан платил за страну хорошие деньги, он попытался заключить с Севером деловое соглашение. Когда Септимий подошел ближе, Юлиан объявил его соправителем; но по велению сената покинутый и презираемый император был казнен, когда Северу оставалось еще несколько дней пути до Рима.

Септимий Север (193 – 211 гг.) стал первым типично «солдатским» правителем. Есть нечто не римское, нечто современное в той гордости своей военной профессией и своим званием, которую он демонстрировал еще будучи легатом. Его пренебрежительное отношение к древнему величию сената могла бы предвидеть депутация, состоявшая из сотни членов этого учреждения, которая вышла встречать Севера в Терни и всех участников которой он велел обыскать, дабы выяснить, нет ли у них с собой кинжалов. Но наиболее явно его военная логика проявилась в том, что он разоружил, предал позору и изгнал из Рима преторианцев. В его государственной системе не было места продажной гвардии со множеством привилегий и претензиями на власть. Собственному своему войску, которое его сопровождало, Север дал лишь пятую часть требуемых подарков. Столь же последователен он был и в борьбе с соперниками, Песценнием Нигером и Клодием Альбином, и в результате уничтожил всех их приверженцев. Север так и не смог понять, почему многие сенаторы вступали с этими вождями в переговоры, и не мог представить, что сенат как целое оставался нейтральным. «Я дал городу зерно, я выиграл для государства множество войн, я дал масло народу Рима, – писал он сенату, – хорошую же награду вы приготовили для меня, хорошую же благодарность!» Сенат, продолжал он, сильно измелечал со времен Траяна и Марка Аврелия.

Византий, невзирая на его военную значимость и незаменимость в качестве укрепления на пути варваров с Понта, был стерт с лица земли, так как в течение года там держали оборону сторонники Песценния; и его гарнизон вместе со многими мирными жителями был предан смерти. Миру следовало показать на примере, что происходит с городами и политическими объединениями, которые не успевают правильно выбрать из бесчисленных соперничающих претендентов того, кому безопасней хранить нерушимую верность.

Дела последователей Альбина обстояли не лучше. В руки Северу попала вся их переписка; он мог бы сжечь эти письма не читая, как некогда Цезарь сжег письма сторонников Помпея. Это был бы благородный жест, но уже не в духе времени; теперь проблема состояла

не в различии убеждений, которое можно сгладить спорами и аргументами, а просто в том, кто кому покорится. Было казнено множество сенаторов и прочей знати в Риме и за его пределами; император ознакомил сенат, простонародье и армию с хвалебными посланиями Коммоду, очевидно, не в качестве упрека, а в качестве издевательства над сенатом. В самом Риме во все время этой борьбы за главенство лишь единожды, когда проходили игры в Большом цирке, прекращались беспричинные, казалось бы, плач и стенания; очевидец не мог бы найти им другого объяснения, нежели наущение свыше. «О Рим! Вечный! Владыка! – сливались в единый вопль стоны толп. – Сколько нам еще терпеть все это, сколько еще будут воевать с нами?» Их счастье, что они не ведали дальнейшей своей судьбы.

Когда в отечестве восстановился мир, стало ясно, что военная власть, необходимой составляющей которой была война внешняя, изжила себя. Опорой и центром этой власти был Север и его родственники на высших должностях, из которых он хотел сформировать династию; только своего брата, который с удовольствием разделил бы с ним тяготы правления, Север держал из осторожности в стороне. Первым шагом к укреплению собственной мощи стало создание новой гвардии, которая более чем в четыре раза превосходила старую. Получив в личное распоряжение такую силу, император занял принципиально иную позицию в отношении провинциальных армий. В сопровождении такого войска можно было, как доказывали прошлые события, пройти всю империю, везде чиня убийства и грабежи, и не встретить никакого сопротивления. Раньше гвардия состояла из италийцев, живших по большей части в самом Риме или в его окрестностях; теперь по воле Севера Рим заполнили грубые, наводящие ужас лица варваров. Если подарки армии при восшествии на престол были невелики, то теперь император повысил оплату труда воина больше, чем кто бы то ни было из предшественников; таким образом, вместо того чтобы выбросить разом несколько миллионов, в империи создавался постоянный ток денег к вящей выгоде солдат. Отцовское наставление, которое Север, как известно, дал своим сыновьям – это скорее современная характеристика его правления, нежели подлинные слова императора, но, тем не менее, оно не лишено смысла: «Храни единство, обогащай воинов, презирай прочих».

Можно было бы предположить, что деятельный военачальник выражает такое уважение профессиональной армии и постоянно поддерживает ее в состоянии боевой готовности во имя славного военного прошлого Рима. Но причина заключалась не в этом. Сам Север во всеуслышание говорил об ухудшении дисциплины, и в его великом походе в Азию бывали случаи неповиновения, причем ему оставалось только проявлять снисходительность и делать дополнительные подарки. Мог ли Север не осознавать того факта, что его нововведения обеспечивают безопасность лишь ему и его правлению, что они неизбежно принесут гибель его слабому и порочному преемнику, который не будет, как Север, своим собственным префектом гвардии? Или же ему было все равно, что станет с его преемником, если сохранится военная власть как таковая?

Однако, говоря также о последних веках язычества вообще, нельзя забывать, что даже могущественнейшие фигуры того времени не имели полной свободы действий, так как не могли отделаться от веры в астрологию и предзнаменования. Невозможно иначе объяснить, почему, например, Север, так любивший справедливость, упорно не хотел изгнать из префектуры гвардии и из собственного окружения такого легкомысленного прожигателя жизни, как Плавтиан. Бесчисленные суеверия опутывали жизнь Севера с детства и до самой смерти. С тех пор как императорский трон превратился в первый приз лотереи, многие родители из всех сословий принялись тщательно следить за повседневной жизнью своих более одаренных детей в поисках знаков их будущего величия. О многом говорило, например, если мальчик декламировал необычные стихи, если приносил в дом черепахи, орляты или даже пурпурное яйцо голубя, если в дом приползали змеи или рядом распускался лавр, и тому подобные случаи. Если же ребенок рождался с рубчиком на голове, напоминавшим корону, или новорожденное дитя

нечаянно прикрывали кусочком пурпурной ткани, тогда его императорская будущность считалась решенной. Много таких фантазий сопровождало императору на всем протяжении его царствования, и они влияли на его поступки непостижимым для нас образом. Можно только посочувствовать, наблюдая, как стареющий Север после своих последних побед в Британии становится беспокойным и вспыльчивым потому, что навстречу ему попался мавр в венке из кипарисовых ветвей, или потому, что он участвовал в священнодействии не в том храме, или потому, что жертвы, им принесенные, были темного цвета – и эта тревога преследовала его и в военном штабе.

Но в главном имперском штабе в Йорке в предзнаменованиях уже не было нужды: сын Севера Каракалла хотел смерти отца упорно и почти открыто. Север сознательно возводил безжалостность в принцип, чтобы подавить любое поползновение захватить власть; но гибель от рук прямого наследника, как и беззастенчивая поддержка измены со стороны гвардии, не входила в его расчеты. Когда он шепчет своему бесчеловечному сыну: «Не дай им видеть, что ты убиваешь меня!» – этот стон звучит как мучительное утверждение основной идеи его правления. Другая фраза, которую, по-видимому, он произнес не единожды: «Я был всем, и тщетно».

И вот на трон империи взошло отвратительное чудовище по имени Каракалла (211 – 217 гг.). С ранней юности он был страшно высокомерен. Он хвастал, что стремится подражать Александру Великому, и воздавал хвалы Тиберию и Сулле. Позднее, может быть после убийства брата Геты, пришло то настоящее имперское безумие, которое направляет ресурсы и мощь всей страны на то, чтобы как можно бесповоротней ее разрушать. Единственной защитой нового правителя, которую, впрочем, он полагал достаточной, была его дружба с солдатами, лишения которых он по крайней мере иногда разделял. Такая же его близость к гладиаторам и цирковым наездникам завоевала ему любовь римского плебса. Людям почтенным и образованным угождать было незачем. После отцеубийства, на которое армия сперва смотрела неодобрительно, Каракалла целиком отдался такого рода попыткам подольститься к черни. Его траты на нужды армии требовали обширных конфискаций, и он предал смерти как сторонников Геты двадцать тысяч человек, и среди них – сына Пертинакса; до тех пор родственники низложенных императоров оставались в живых, и это было одной из наиболее человеческих черт римских узурпаций. Ради своих солдат Каракалла развязал жестокую войну в собственных, абсолютно мирных, владениях; от соседних народов, если те решали напасть, он откупался. Массовые убийства в Александрии иллюстрируют единственно верное с точки зрения деспотии отношение к софистическим насмешкам александрийцев. Истинным наказанием за эти преступления (не говоря об угрызениях совести, о которых рассуждают наши авторы) стало возраставшее недоверие тирана к своей привилегированной гвардии; в конце он мог целиком положиться, как свидетельствует его непосредственное окружение, только на личную стражу, полностью состоявшую из варваров – кельтов и сарматов, которые не имели представления о римских делах; чтобы сохранить их преданность, он одевался согласно их обычаю. Посланцам этих народов Каракалла говорил, что, если он будет убит, им не составит труда завоевать Италию, так как Рим легко будет взять. И все же он погиб в кругу этих самых стражников, в результате покушения, совершенного по наущению людей, которые вынуждены были убить его, чтобы самим не попасться в его руки.

Обязанность назначения преемников, естественно, перешла в руки всемогущей армии. Армия сперва провозгласила Макрина, одного из двух префектов гвардии, не посмотрев, что именно он организовал гибель ее обожаемого Каракаллы. Макрин принял имя Каракаллы и устроил ему пышные похороны, чтобы отвести от себя подозрения. Со скрытым презрением он приветствовал сенат на церемонии вступления в должность и с видимыми колебаниями принял императорские титулы. И тем не менее, первые же строгие меры, принятые им к обузданию все более распоясывавшейся армии, ускорили его падение. Два молодых сирийца, родственники по

боковой линии Антонинов и Севера, внезапно вознеслись до уровня правителей империи. Это были два непохожих друг на друга двоюродных брата Элагабал и Александр Север, которых поддерживали их матери Соэмиада и Мамея, а также их бабушка Юлия Мэса.

При всем уродстве и безумии правление Элагабала (218 – 222 гг.) небезынтересно для истории императорской власти в Риме. Невероятное сладострастие, азиатская пышность культа, бездумная жажда минутных удовольствий – это, собственно, была реакция на правление Септимия Севера, по сути, правление солдата. Элагабал отвергал все римские обычаи, сделал сенаторами мать и бабушку, назначал на высшие посты в государстве танцоров, атлетов и парикмахеров, наконец, торговал должностями – но отнюдь не это привело его к гибели. Его падение совершилось, когда у армии проснулось чувство стыда, усиленное заговором ближайших родственников императора в поддержку Александра. Солдаты понимали, что жизнь Александра в опасности, и заставили испуганного императора покинуть собственный двор. Элагабал, в свою очередь, изгнал из города сенат – что скорее свидетельствует в пользу сената, так как это значит, что данное учреждение состояло не только из «рабов в тогах», как думал император раньше. Наконец гвардия убила Элагабала и возвела на трон Александра Севера.

Из множества императоров ни один не вызывает у потомков столько симпатий, как этот человек, настоящий Святой Людовик античности, человек совершенно непостижимый, если принять во внимание его окружение. Его гибель была неизбежным следствием попыток свернуть с дороги позорных злоупотреблений, которые всегда порождает военная деспотия, на тропинку справедливости и умеренности. Никто не умаляет достоинств прекрасной матери императора, Мамеи; но все-таки его заслуги значительнее, потому что он сохранил независимость, оставшись верным однажды взятому курсу, и, ведомый только добродетелью, все же смог противостоять множеству соблазнов деспотической власти. Помимо всего прочего, он испытывал величайшее уважение к сенату, чего не было со времен Марка Аврелия, когда даже о сословии всадников, которое надолго погибло для жизни политической, говорилось как о «колыбельной сената». Собрание сенаторов и закрытый совет шестнадцати входили в администрацию, и на подготовку хороших, сознательных людей, способных управлять и осуществлять тщательный государственный контроль, не жалели сил. Только несправедливые и продажные чиновники могли вывести из себя уравновешенного Александра. Уважая своих воинов, он не делал тайны из того факта, что судьба государства зависит от них; он обеспечил им замечательную экипировку и добился отличной выучки. И тем не менее, как только он смог похвастаться, что уменьшил налоги, он тут же решился распустить опасный легион. Однако далеко не все из известного об Александре можно обрисовать столь же светлыми красками. Так, в армии наблюдается постоянное брожение. Префекты гвардии сменялись при весьма тяжелых обстоятельствах, и, когда Ульпиан, наиболее выдающийся из них, был убит в результате серьезных волнений, император оказался неспособен покарать преступление. Мы знаем, что в тот раз народ и гвардия три дня вели кровавые бои на улицах Рима и что преторианцы усмирили граждан, лишь когда начали жечь их дома. Отнять власть у своего прекрасного вождя пытались самые нелепые персонажи. Известно, что один из них, по имени Овиний, в самом деле был с насмешливой снисходительностью принят в соправители; но он устал от своего сана, стоило ему разделить с прочими тяготы походов. Другой претендент, выдвинутый армией, попросту скрылся. Третьего, раба Урания, император, по-видимому, все же вынужден был наказать. Кроме того, поскольку Александр, как прежде его идеал Марк Аврелий, был обречен непрестанно подвергаться испытаниям жестокой судьбы, то вскоре на восточных рубежах страны поднялся новый войнолюбивый враг – персидское царство, где к власти пришли Сасаниды. В войне с ним Александр добился весьма относительного успеха. На рейнской границе наблюдались угрожающие брожения среди германских племен. Нрав молодого правителя, по-видимому, становился все более меланхолическим; известно, что он проявлял склонность к скупости, но это означает только, что кое-кто из его окружения никак не мог умерить жажду денег, предназначенных

для войны. Во время похода, на Рейне, недалеко от Майнца, солдаты убили его и его мать. Бесплезно исследовать заявленные мотивы этого поступка. Преемник Севера, Каракаллы и Элагабала, который хотел изгнать всех лицемерных сановников, приструнить армию и в то же время быть снисходительным даже перед лицом опасности, не мог избежать насильственной смерти. Заговор стал болезнью эпохи; эта зараза носилась в воздухе. Александр тщетно добивался уважения в эпоху, признававшую только страх.

На трон взшел Максимин (235 – 238 гг.), как предполагается, убийца Александра. Он был фракийский пастух, сын гота и аланки, насквозь варвар по происхождению и, более того, по образованию. Но армии это было безразлично; она состояла из настоящих варваров с восточных границ, для которых не имело значения, родом ли их кандидат из Антонинов, привычен ли он к государственной службе, был ли он сенатором. Зато Максимин имел более восьми футов роста и обладал гигантской силой, и вполне вероятно, что этот офицер не знал себе равных во всей римской армии.

По сути, даже если этого нельзя утверждать, опираясь на факты, его правление было страшнее, чем правление любого другого императора. Мир античности, его памятники, исполненные красоты, его жизнь, насквозь пронизанная изяществом культуры, возбуждали злобную ярость в этом варваре, стыдившемся своего происхождения. Хотя, пожалуй, человек с нежной душой и не смог бы сохранить захваченный престол. Он проводил конфискации в пользу солдат, и таким образом разрушал, будучи римским императором, самую сущность Рима. Максимин отказался от жизни в ненавистой столице; сперва он собирался поселить там своего сына, но в итоге оставил его при себе, в своих укреплениях на Рейне и Дунае, откуда и правил империей. Перепуганный Рим, вспоминая о восстаниях рабов, Спартаке и Атенионе, опасался, что пограничная армия варваров может объявить себя центром мировой империи. Максимин ненавидел все выдающееся, все красивое и утонченное, а в особенности ненавидел сенат, который его якобы презирал. Перед зданием сената он поместил огромные изображения своих победных походов против германцев. Но даже население столицы, которое едва ли обеспокоилось, если бы император казнил всех до одного сенаторов, озлобилось до предела, когда были сокращены запасы продовольствия и отняты деньги, предназначенные на публичные зрелища. В провинциальных городах дела обстояли не лучше: все их средства, например капиталы богатых граждан, отобрали на благо армии. Столь неразумного и откровенно военизированного правления на Западе с тех пор не бывало.

Наступило время неопишемого смятения. Пожалуй, наибольший интерес вызывает решительная и определенная позиция сената, который не так уж разбирался в ситуации. Отчаяние заставило взбунтоваться солдат и крестьян в Африке, и восстание вынуждены были возглавить два уважаемых римлянина – отец и сын Гордианы. Узнав об этих событиях, сенат выступил против Максимиана. При этом все ждали, что недостойные его члены сообщат об этом тайном решении тирану. Не меньше смелости требовалось, чтобы послать в провинции письма с предложениями отступничества. Следовало также считаться с тем, что провинции могли провозгласить других императоров, а не кого-то из Гордианов. Опасность еще усилилась, когда африканский военачальник Капелиан (втайне желавший империю для себя) разбил армию младшего Гордиана во славу Максимиана; проигравший погиб, а его отец повесился. Тут сенат назначил комиссию из двадцати членов, имевших военный опыт, и на свой страх и риск провозгласил двух императоров, Пупиена и Бальбина (238 г.). Ситуация была крайне напряженная, возникла угроза террора. Народ, который сперва поддерживал вновь выдвинутых императоров, вскоре перешел на сторону гвардии; она же, будучи разгневана самостоятельным выбором сената, потребовала провозглашения третьего императора или наследного принца, которым стал самый младший Гордиан, близкий родственник первых двух. Имеющиеся источники несвязны и отрывочны; например, мельком упоминается битва не на жизнь, а на смерть, разыгравшаяся в Риме между гвардией, гладиаторами и рекрутами. Сейчас невоз-

можно сказать ничего определенного касательно этого кризиса; во всяком случае, сенат продемонстрировал удивительную решимость и присутствие духа, ибо оказался способен не только поддерживать на высоте своих двух ставленников по отношению к подопечному гвардии, но в то же время и нести весь груз обороны против приближающегося Максимиана, посылая уполномоченных осуществлять в провинциях военные приготовления. Им также помогало ожесточение провинциалов против свирепого тирана, по каковой причине в Каринтии он не обнаружил ни людей, ни каких бы то ни было запасов еды, и на пути через пустынную Гемону (Люблян) его сопровождали только волчьи стаи. Этот опыт к моменту, когда ратники дошли до Аквилеи, совершенно лишил мужества императорских мавров и кельтов. И когда город под начальством двух сенаторов начал длительную и отчаянную оборону, голодная армия Максимиана убила главнокомандующего, чтобы примириться с новыми императорами.

Было ли благоразумно вести все это войско или даже большую его часть в Рим, не нам решать; оно, вероятно, представляло опасность даже в провинции. Но в Риме можно было ожидать столкновения, из-за *esprit de corps*¹, между армией императоров от сената, состоявшей преимущественно из германцев, и солдатами Максимиана. Так или иначе, последние, по обычаю всех побежденных армий и проигравших партий, стали искать выход для своего плохого настроения. Жертвами пали два сенатских императора, солдаты убили их, и народ в диком смятении провозгласил юного Гордиана (238 – 244 гг.) Августом. Сенат был повержен, но не сокрушен; воины, пробившие себе дорогу на заседание (в то время проходившее на Капитолийском холме), были зарублены сенаторами у алтаря Победы.

При следующем императоре властвовали евнухи и заговорщики, окружившие неопытного юношу. Спустя какое-то время к нему оказался приближен оратор Мисифей, значительный и серьезный человек, который пробудил его благородную натуру. Он стал, мы не знаем как, гвардейцем, регентом и даже тестем Гордиана, и тот отдал ему обе префектуры – гвардии и столицы. Положение Мисифея, даже титул «Отец правителя», который сенат даровал ему, вызывает в памяти XII век и атабеков сельджукских султанов. Когда он нашел взаимопонимание с сенатом, нельзя сказать с уверенностью; в любом случае это примечательное правление длилось недолго. В походе против персов, на этот раз успешном, гвардеец погиб от яда, поднесенного Филиппом по прозвищу Аравитянин. Филипп расплатился с солдатами тем, что искусственно создал недостаток съестных припасов; он добился места соправителя, подкупив офицеров, и постепенно лишил Гордиана всякого авторитета, а затем и жизни.

Получив сообщение о смерти Гордиана, сенат отреагировал быстро, но провозглашенный императором философ Марк вскоре умер, так же как и некий Север Гостилиан, по тем или иным причинам после него оказавшийся на престоле. Филипп, который тем временем появился в Риме и вежливым разговором склонил на свою сторону наиболее значительных сенаторов, был признан Августом (244 – 249 гг.). Называть Филиппа Аравитянина шейхом – слишком много чести; он был родом из пользующегося сомнительной славой южносирийского племени, жившего к востоку от Иордана.

Если забыть о неодолимой притягательности императорской власти, трудно понять, как этот человек, с его ничтожными способностями к военному делу, собирался управлять Римской империей, которую он получил обманом, раздавая ключевые должности родственникам и друзьям. Во время столетних игр, проводившихся в честь тысячной годовщины города, варвары перешли границу в нескольких местах, и по меньшей мере две армии выдвинули новых императоров. В Сирии против брата Филиппа – Приска поднялся искатель приключений Иотапиан, возводивший свой род к Александру Македонскому, имя которого до сих пор произносилось с почти религиозным благоговением. В Мезии, пока готы атаковали страну, против зятя Филиппа Севериана выступил Марин.

¹ Корпоративный дух (*фр.*).

Страшная угроза, нависшая над империей, снова пробудила дух Рима. Вторая половина III века – эпоха, достойная, несомненно, глубочайшего уважения, но наши источники слишком мало сообщают о людях того времени и мотивах их поступков. Ведущие фигуры этого периода в большинстве своем не римляне в строгом смысле, а в основном иллирийцы, происходившие из земель между Адриатическим и Черным морями, но, тем не менее, именно римская культура и наследие, особенно же военное искусство, позволили им вновь спасти античный мир. Теперь титул римского императора уже не означал единственно удовольствия и стал ассоциироваться с тяжелыми обязанностями. Люди недостойные облачались в пурпур, только будучи к тому вынуждены; лучшие уже не стремились к высокому сану, но видели в нем долг или предопределение. И это безошибочно свидетельствует о нравственном подъеме.

Угрожавшие империи опасности быстро положили конец правлению Филиппа. Однажды, испугавшись, он явился в сенат и предложил отречься от трона. Все было спокойно, пока учтивый Деций не предложил свои услуги в деле умирения Марина. Ему сопутствовал успех, но он вскоре попросился в отставку, так как видел, что армия, презирающая Филиппа, хочет сделать императором его. Филипп отклонил его просьбу, и случилось неизбежное. Во время или после битвы с Децием солдаты в Вероне казнили Филиппа. То, что его брат Приск стал впоследствии наместником в Македонии, доказывает, что Деций не стыдился произошедшего. Правда, в результате Приск отплатил ему изменой.

Деций (249 – 251 гг.) был в первую очередь идеалистом и, соответственно, во многом заблуждался. Он надеялся послужить своими военными талантами утонченным сенаторам, возродить былую римскую добродетель и древнюю религию, вернуть славу имени римлянина и сохранить ее навек – конечно, именно к этому он стремился. И гонения на христиан стали просто естественным следствием этих замыслов; шестьдесят лет спустя он с тем же рвением пытался бы спасти империю через христианское самоотречение.

Но достичь своей цели ему было не суждено. Со всех сторон на страну нападали варвары, не утихали голод и чума; это означало, что переменялась вся жизнь Рима – стареющий человек не перенесет ветерка, которого юноша не заметит. Наградой Децию стала славная смерть в бою с готами.

Сенат вновь вспомнил о своем праве. Помимо Галла, выдвинутого армией, в 251 г. он провозгласил своего собственного императора, Гостилиана, который вскоре умер от болезни. Пока Галл откупался от готов, на Дунае заявил о себе некий Эмилиан из Мавритании, военачальник, который говорил своим людям о «римской чести» и в случае победы обещал им ту дань, которая раньше шла готам. Победа была за ними, и солдаты сделали своего полководца императором (253 г.). Но идеи Деция не пропали даром, и Эмилиан хотел уже называться только сенатским военачальником и оставить управление империей самому сенату.

Заметная лакуна в «*Historia Augusta*» мешает сделать сколько-нибудь обоснованные выводы относительно последующих событий. Эмилиан пошел на Италию; Галл, выступивший против него, вместе с сыновьями был убит собственным войском. Но Валериан, спустившись с Альп, неким таинственным образом преуспел и взял верх над победоносной армией Эмилиана, которая убила своего императора, «потому что он был солдат, а не правитель, потому, что Валериан лучше подходил для роли императора, или потому, что римляне должны были остерегаться гражданской войны». Эти слова несут в себе отблеск истины. Ясно, что совершилось все это не по воле мятежной банды солдат. Очевидно, что имело место соглашение между высшим офицерством трех армий. Только такого рода соглашением можно объяснить возвышение Валериана (253 г.), вероятно, самого одаренного римлянина во всем, что касалось общественной ли жизни, военного ли искусства; солдатам оставалось или продолжать поддерживать своего Эмилиана, или посадить на трон кого-нибудь со способностями мелкого офицера, но зато высокого и красивого.

С тех пор выборы императора приняли новую форму. За время войн с варварами, не прекращавшихся со времен Александра Севера, образовался кружок замечательных военачальников, среди которых знание своего дела по справедливости ценилось и уважалось. Валериан был, по-видимому, душой этого круга, по крайней мере в пору нахождения у власти. Его военная переписка, часть которой дошла до нас в составе «*Historia Augusta*», показывает тонкое понимание людей и их способностей; читатель составляет себе высокое мнение о человеке, сумевшем распознать Постума, Клавдия Готского, Аврелиана и Проба и способствовать их продвижению. Если бы на границах был мир, возможно, сенат и принимал бы достойное участие в управлении государством, как мечтали Деций и Эмилиан. Но поскольку варвары, нападавшие сразу с нескольких сторон, могли уничтожить империю полностью и поскольку настоящий Рим давно покинул семь холмов у Тибра и переместился в лагерь отважных римских военачальников, было только естественно, что нити власти в государстве также находятся в руках высших офицеров. Они составляли нечто вроде вооруженного сената, разбросанного по всем пограничным провинциям. При этом по временам империя совершенно утрачивала единство, там и тут стихийный каприз солдат или отчаяние провинциалов одевали первого подходящего человека в пурпур; но когда начальное потрясение более-менее проходило, полководцы сажали на трон кого-нибудь из своих. Мы можем только предполагать, как сочетались в том или ином случае предусмотрительность и трезвый расчет с тщеславием и жестокостью, а также какие тайные клятвы всех их связывали. Однако враждебности к сенату они не проявляли; более того, в общем ему выказывалось уважение, и был даже случай, когда сенат впал в наивное заблуждение, что снова стал повелителем империи.

Этот примечательный период заслуживает детального исследования. Уже при Валериане начался процесс отделения некоторых областей, а когда сам Валериан, пока его сын воевал с германскими племенами, вопреки всем законам международных отношений был предательски захвачен в плен царем Шапуром из династии Сасанидов (260 г.), наступил полный хаос. В то время как самому Риму угрожало вторжение безымянных орд и сенат должен был наспеш организовывать войско из граждан, восточные страны одна за другой разрывали вассальные отношения с империей. Сперва дерзнул претендовать на престол ничтожный преступник Кириад, выдвинутый Шапуром, но Макриан с сыновьями и его храбрый префект Балиста поднялись на защиту римского востока (260 г.). Шапур был вынужден бежать, его гарем взяли в плен. Достойна также хотя бы упоминания великолепная оборона каппадокийской Кесарии. Но распад империи продолжался. Военачальникам и высшим должностным лицам то и дело приходилось объявлять себя императорами, просто чтобы защититься от других узурпаторов, но они все равно гибли. Так пал Валент Фессалоник в Греции, и так же пал Пизон, которого Макриан послал усмирять Валента. Вскоре погиб и сам Макриан (261 г.), выступивший против Авреола, который был вождем дунайской армии Галлиена, и, испытав себя, обратился против самого Галлиена. На востоке Макриана и его родных потеснил Оденат (262 г.), богатый провинциал. Несколько человек носило в то время императорский титул, но ни один из них не обладал талантами и удачей этого пальмирского патриция, который вместе со своей героической женой Зиновией сумел основать на востоке могучее королевство. Зиновия, чей род берет начало от египетских Птолемеев, в том числе от знаменитой Клеопатры, с пестрой свитой военачальников-азиатов правила (267 – 273 гг.) от имени своих сыновей государством, простиравшимся от Галатии до Египта. На этой территории полководцы Галлиена успешно разделялись с захватчиками меньшего пошиба – на юго-востоке Малой Азии это был разбойник Требеллиан, которого избрали своим вождем неисправимые исавры; в Египте – Эмилиан, первое лицо в Александрии, который, когда взбунтовавшаяся толпа грозила ему смертью, принял императорский титул (262 – 265 гг.), чтобы избежать расплаты с Галлиеном.

На некоторое время Галлиен был вынужден признать ранее упоминавшегося Авреола правителем Придунайских земель. Но задолго до этого (258 г.) дунайские легионы выдвинули

Ингенуя, который лучше всех мог защитить страну от вторжений. Галлиен одолел Ингенуя и развернул по области жесточайшую карательную кампанию. Провинциалы жаждали мести и провозгласили императором героического дака Региллиана (260 г.), заявившего о своем происхождении от короля Дакии Децебала, известного противника Траяна; но вскоре из страха новых преследований они же выдали его в руки Галлиена, которого жизнь сделала безжалостным. В Вифинии узурпатор также был, но даже его имя осталось неизвестным; Сицилией тоже управляли безымянные разбойники (*latrones*).

На западе, а именно в Галлии, которой время от времени подчинялись также Испания и Британия, появились наиболее примечательные бунтовщики. Здесь из-за страшных бед, причиняемых варварами, сперва против Валериана, а затем против сына Галлиена и его военачальников восстали (после 259 г.) несколько могучих вождей: Постум, Лоллиан (или Лелиан) и Викторин. Это были не просто солдатские императоры, они правили при восторженном и почти регулярном участии провинциалов. Создавалось настоящее трансальпийское государство, и его видные деятели формировали сенат при императоре, обычно пребывавшем в Трире. Отнюдь не собиравшиеся подчеркивать свое полузабытое происхождение – галльское, британское или иберийское, эти народы хотели только входить в состав западной части Римской империи и защищать римскую культуру и институты от варварских набегов. О владениях Зиновии не так уж много можно сказать. Однако весьма примечательно, что на западе также именно женщина – Виктория, мать Викторина, – распоряжалась престолонаследием императоров, заслужила прозвище «Мать лагерей» и с нечеловеческой силой духа руководила всей армией. Ее сына и внука убили у нее на глазах разгневанные солдаты, но их раскаяние было так велико, что назначение нового императора предоставили ей. Сперва, чтобы угодить солдатам, она указала могучего оружейника Мария (267 г.); после его убийства она отважилась назвать своего родственника Тетрика, который не был известен армии и не был человеком военным, но которому, тем не менее, солдаты подчинялись (после 267 г.), по крайней мере, до смерти Виктории.

Завершающее место в этом ряду узурпаций по праву принадлежит Цельсу, выдвинувшемуся в Африке, поскольку его попытка была наименее оправданной и наименее успешной. Без видимого повода, которым могло бы служить, например, нападение варваров, африканцы (очевидно, только карфагеняне) по наущению проконсула и военачальника объявили трибуна Цельса императором. Недостаток божественного права на то сполна возместил плащ Юноны, который принесли из знаменитого храма в Карфагене специально для церемонии вступления в должность. Здесь тоже женщина играла ведущую роль. Тетя Галлиена устроила так, что через семь дней Цельс был убит, и труп его бросили собакам; жители Сикки настояли на таком обращении из лояльности императору. Затем Цельс был вдобавок символически распят.

Поведение ни в чем не повинного Галлиена в этой сложнейшей ситуации не кажется ни пассивным, ни малодушным, что внушает нам «*Historia Augusta*». Некоторым из так называемых тридцати тиранов он в самом деле даровал титул цезаря или августа; но с прочими он сражался со всей отчаянностью. Время от времени его охватывала его знаменитая вялость, но она также внезапно проходила. Естественно было ожидать, что он отправится в Персию освободить отца, но в свете имевшихся обстоятельств такое предприятие оказывалось совершенно невыполнимым. Отношение Галлиена к признаваемым им провинциальным императорам походило на отношение калифа к династиям, объявившим о своей независимости, разве только он не принимал почетных подарков и не ждал упоминаний в публичной молитве. С другой стороны, он весьма энергично отстаивал свое собственное положение в Италии, и несколько наиболее уважаемых полководцев его отца сохранили верность новому императору. Он целенаправленно удерживал сенат от военной службы, то есть не позволял навещать солдат, потому что даже в тот непарламентский век его преследовал страх перед военизированным правлением сенаторов. Когда Авреол повел атаку на Италию, Галлиен, действуя с возможной быст-

ротой, заставил его стянуть свои войска в Милан и там осадил его. После того как Галлиен был убит (268 г.), положение Авреола стало еще более отчаянным. Совершил это преступление кавалерийский офицер из Далмации, непосредственными зачинщиками стали префект гвардии и начальник дунайской армии. Но саму мысль подали Аврелиан (впоследствии император), который привел кавалерию на помощь осажденным, и иллириец Клавдий, любимец сената и одновременно один из величайших полководцев эпохи. Клавдий не скрывал, что ему не нравятся вялость Галлиена, и, вероятно, именно поэтому он остался в стороне от событий – в Павии. Как известно, военачальники устроили формальное обсуждение того, жить или умереть Галлиену, и, должно быть, на этом собрании было принято решение, что преемником будет Клавдий.

Приняв во внимание все обстоятельства, этот тайный сговор можно частично оправдать чрезвычайностью сложившейся ситуации. Люди, выносившие приговор, знали, что делают. В заново объединенной империи Галлиену следовало отойти от дел, но он не согласился бы на это, так как не мог лишиться своих императорских удовольствий. Клавдий также, возможно, смутно предвидел нападение готов, самое страшное событие того столетия, которое ничем нельзя было предотвратить. Даже не говоря об этом неизбежном вторжении – еще когда Галлиен стоял под Миланом, алеманны были уже в Италии, и с тех пор как Клавдий так быстро разобрался с Авреолом в битве при Понтироло, он в основном занимался этой проблемой. В своей надгробной надписи Клавдий заявляет, что он оставил бы Авреолу жизнь, если бы чувство уважения к его великолепной армии позволяло подобную снисходительность. У нас нет оснований сомневаться в искренности этих слов.

Клавдий (268 – 270 гг.) сумел только приступить к исполинской задаче восстановления империи, и первые принятые им меры навлекли бедствия на отряды, оставшиеся в Галлии. Но его победа над готами при Наиссе дала античному миру передышку. Другие его государственные способности почти никак не послужили империи, потому что он исполнял обязанности ее главы всего год; тем не менее было бы несправедливо сомневаться в их наличии только потому, что Клавдий имел несчастье попасться на язык панегиристам. Подлинная хвала ему – та гордость, с которой иллирийские всадники называли себя его соотечественниками, и та уверенность, которую его победа вселила в слабые города и провинции, осмелившиеся защищаться от варваров. Испания отдала Тетрика на волю Клавдия.

У Клавдия был замечательный брат, Квинтилий, которого сенат провозгласил императором из почтения к Клавдию. Но на смертном одре сам Клавдий в присутствии военачальников объявил своим преемником Аврелиана, и армия тут же признала его выбор. В духе времени Квинтилий незамедлительно вскрыл вены.

Аврелиан, родом из окрестностей Белграда, выглядел более варваром, нежели его предшественник, но, в сущности, он вряд ли меньше годился для трона. В блистательной военной кампании 272 г. он подчинил Зиновию и восток, и слава о его непобедимости незамедлительно возросла до невероятной степени. Марцеллин, губернатор Месопотамии, которого армия вынуждала принять императорский титул, сам сообщил о происходящем Аврелиану. Антиохийцев, служивших глупым владыкам Пальмиры, Аврелиан, наказав бунтовщиков, не тронул. Но богатого Фирма, возвысившегося в Египте, Аврелиан приказал распять как разбойника, явно для того только, чтобы продемонстрировать глубокое и древнее презрение римлянина к египтянам. Тетрика, который находился в невыносимо тяжелой ситуации из-за своего ложного положения в армии и который предал собственное войско в сражении при Шалоне (272 г.), Аврелиан в качестве утешения взял к себе на службу. Если к битвам за объединение страны прибавить еще непрекращавшиеся победоносные бои с варварами, мы поймем, какую прекрасную школу военного искусства прошла страна при Аврелиане. Самые заметные его преемники учились у него и у Проба.

Взаимоотношения Аврелиана и сената предстают в значительно менее благоприятном свете, примерно в том же, что и в случае Септимия Севера. Император возложил на сенат ответственность за все заговоры и волнения в столице и велел казнить многих его членов. Того ничтожного числа документов, которым мы располагаем, недостаточно для вынесения более-менее оправданных суждений. Нельзя сказать, зачем Аврелиан хотел подчинить жизнь гражданина военной дисциплине и почему сенат оказался настолько глух к происходящему, что попытался оспаривать власть у защитника империи. Аврелиан по природе не был жесток, он предпочитал избегать кровопролитий, что очевидно проявлялось в критические моменты. Его называли не «убийцей», а «педагогом сената». Но в его положении только огромная сила духа могла не дать впасть в отчаяние, ослабеть и превратиться в кровожадное чудовище этому всеми презираемому правителю. Трудно даже вообразить судьбу императора той эпохи; непонятно, каким образом даже более уравновешенный человек мог выносить все это сколько-нибудь долго. О приверженности Аврелиана солнечному культу, который во времена позднего язычества был весьма распространен среди солдат, будет рассказано ниже.

Аврелиан погиб от рук заговорщиков из числа своего ближайшего окружения во время похода на персов, недалеко от Византии. Вероятно, в этом принимал участие только один крупный военачальник, Мукапор; остальные были гвардейцы, которых личный секретарь правителя, будучи сам замешан в проступке и ожидая наказания, сумел заставить действовать с помощью поддельной подписи.

Затем полководцы сообщая отправили сенату следующее сообщение: «Счастливые и храбрые войска римскому сенату и народу. Наш император Аврелиан лишился жизни вследствие коварства одного человека и заблуждения хороших и дурных людей. Причислите его к богам, безупречные и почтенные господа отцы сенаторы, и пришлите нам государя из вашей среды, но такого, кто, по вашему суждению, является достойным. Ведь никому из тех, кто находился в заблуждении или совершил злодеяние, мы не позволим властвовать над нами». Письмо делает честь всем – Аврелиану, столь благородно оправданному, сенату и армиям, поскольку из первых строк понятно, что их начальники наконец вступили в соглашение. Они помогали императору завоевывать мир, так что это не мог быть просто *beau geste*², вызванный эмоциональным потрясением.

Но сенат, чье древнее величие было так неожиданно и блестяще признано, отверг оказанную ему честь. Сенат совершил бы большую ошибку, решившись самостоятельно назначить императора после предшествовавших военных правлений. Кроме того, Рим не забывал, что за два месяца, необходимых, чтобы письмо дошло туда и обратно, настроение восточной армии может измениться, стихийно или под чьим-то воздействием. Но войско настаивало на своем решении. Прежде чем сенат наконец сделал выбор, стороны трижды обменялись письмами. В эти полгода все высшее офицерство оставалось на своих местах; никакая другая армия не дерзнула опередить восточную в деле выбора правителя; страх, а может быть, взаимное уважение сохраняли примечательное равновесие между враждующими силами.

Если сейчас, по прошествии полутора тысяч лет, когда в нашем распоряжении имеются только крайне отрывочные данные, тем не менее нам будет позволительно высказать свое мнение, то следует, пожалуй, одобрить конечное решение сената все же выбрать императора, но необходимо прибавить, что это должен был быть один из наиболее известных, но не замешанных в убийстве военачальников, например Проб. Вместо этого был выдвинут Тацит, пожилой и уважаемый сенатор, разбиравшийся в делах армии и давно утративший восторженные иллюзии по поводу этого образца конституционализма. Радостная весть разлетелась по всем провинциям: сенат снова владеет своим старинным правом назначения императоров, а в будущем станет издавать законы, принимать клятвы верности варварских вождей, решать вопросы войны

² Красивый жест (фр.).

и мира. Сенаторы приносили белые жертвы, ходили в белых тогах, а во дворцах широко пахнулись двери тех залов, где сенаторы хранили изображения своих предков. Тацит, впрочем, счел себя человеком обреченным, отдал свое огромное богатство государству и отправился к армии. Из чистого буквоедства сенат не позволил Тациту провозгласить консулом своего брата Флориана. Говорят, эта возродившаяся верность конституции обрадовала императора; комментарии излишни.

Тацит одержал победу над готами и аланами на востоке. Но группа офицеров вместе с перепуганными убийцами Аврелиана сперва уничтожила Максимиана, сурового сирийского военачальника и родственника императора, а потом, боясь наказания, и самого императора – это случилось близ Понта. Его брат Флориан в Тарсе проявил неблагоразумие, объявив себя преемником, не посоветовавшись с сенатом или армией, словно звание императора передавалось наследству; даже если бы это было так, сыновья Тацита имели бы естественное преимущество перед Флорианом. Через несколько недель он тоже был убит солдатами.

Тем временем, избранный только армией, на трон взошел могущественный Проб. Он был соотечественником Аврелиана, и тот прочил его, по крайней мере так думали, себе в преемники. Сенат признал его без возражений, и Проб оказался достаточно тактичен, чтобы успокоить несколько встревоженное учреждение, присвоив ему некоторые почетные привилегии. Перед императором предстали убийцы Аврелиана и Тацита; он объявил, что презирует их, и повелел их казнить. Едва будучи избран, он объявил солдатам, чтобы они не ждали от него снисходительности, и сдержал слово. Дисциплина при нем была строгая, но он, тем не менее, добился ошеломляющих побед, освободивших Галлию от германцев и стоивших жизни четыремстам тысячам варваров. Если бы даже эти победы всего лишь сохранили *status quo*, если бы Проб не смог покорить всю Германию, что было необходимым условием римской безопасности, мы не посмели бы обвинить его в этом.

От Рима и Неккара он двинулся на восток, и его генералы на далеком юго-востоке продолжали выигрывать сражения. Хотя узурпаторы не исчезли, – назовем Сатурнина, Прокула, Боноса, – но причиной их мятежей была не злонамеренность солдат, обиженных его строгостью, а, скорее, безрассудная раздражительность египтян, страх лионцев, из-за своей вечеринки имевших основание опасаться наказания, и ужас пьяных нарушителей дисциплины на границах. Так или иначе, захватчики властвовали недолго. Великий правитель, типичный солдатский император, вынашивал совершенно особый идеал. Он хотел бы добиться того – и не делал тайны из своих намерений, – чтобы окончательное поражение или ослабление варварских народов сделало войско ненужным римскому государству и чтобы началась эпоха мира и возрождения. «*Historia Augusta*» показывает нам его размышления над идеей сатурнианской утопии³. Эти идеи проникали в армию, не слишком довольную тем, что император использует ее силы для сооружения виноградников, дорог и каналов. Осушая почву на его родине, в Сирмии, солдаты убили его, явно непреднамеренно, и тут же пожалели об этом. Его семья, как и семьи некоторых других низложенных императоров, покинула Рим и обосновалась в Северной Италии.

В то время армия совершенно не считалась с сенатом. Высшие офицеры сами избирали правителей или руководили их избранием, о чем наглядно свидетельствует возвышение старого служки, иллирийца Кара. Со своим младшим и достойнейшим сыном Нумерианом он немедленно отправился заканчивать войну с сарматами и возобновлять военные действия против персов. Карина, человека ничтожного, он сделал своим соправителем и передал ему верховное командование германской кампанией. Позднее император, видимо, об этом пожалел и хотел уже на место разочаровавшего его сына назначить благородного и энергичного Констан-

³ Сатурн почитался как бог золотого века, один из первых царей Аакия. Он научил своих подданных земледелию, виноградарству и цивилизованной жизни.

ция Хлора, отца Константина; если бы это случилось, мы имели бы примечательный случай отхода от укоренившихся стремлений к созданию династии.

При таинственных обстоятельствах Кар и вскоре затем Нумериан погибли на востоке (284 г.). Замысел убийства Нумериана принадлежал Аперу, префекту гвардии. Апер не входил в состав союза военачальников и, очевидно, захватил власть одной только дерзостью. Но когда о смерти цезаря стало известно, Апер, по-видимому, утратил хладнокровие, позволил схватить себя и предстал перед военным судом, проводившимся в присутствии целой армии. Здесь, «согласно выбору полководцев и офицеров», императором был провозглашен Диоклетиан, известный военачальник; он тут же бросился на Апера, ожидавшего разбирательства у подножия трибунала, и пронзил его мечом насквозь. Пожалуй, несправедливо было бы делать вывод о причастности полководца к преступлению Апера; объяснение этого поразительного происшествия заключается в следующем: в Галлии жрица-друидка однажды предсказала, что Диоклетиан станет императором, если убьет вепря, по-латыни именуемого арег. С тех пор, когда бы будущий порфириносец ни отправлялся на охоту, он всегда выискивал кабанов; и, когда он увидел перед собой настоящего вепря, нетерпение подхлестнуло его.

Диоклетиану оставалось только сразиться с Каринем. Карин не был лишен полководческих способностей; он, очевидно, без особого труда разбил узурпатора Юлиана на пути в Северную Италию (285 г.). Он боролся с Диоклетианом полгода, и вполне возможно, что в битве при Марте (невдалеке от Семендрии), которая считается решающей, он одержал победу. Но гибель ему принесла его распушенность, вызвавшая ненависть солдат. Диоклетиана незамедлительно признали обе армии. Вкупе с тем фактом, что он не сместил офицеров, не провел конфискаций и даже сохранил на посту префекта гвардии Аристобула, это может свидетельствовать о том, что с армией Карина существовала предварительная договоренность; но мы скорее готовы согласиться со старшим Аврелием Виктором, согласно которому причина – исключительно в мягкости характера и глубоком понимании ситуации, присущим их новому императору и его окружению. Сам он торжественно заявлял, что добивался гибели Карина не из честолюбия, а из соображений общего блага. В этом мы вполне можем поверить человеку, выказывавшему в других случаях такую беспримерную снисходительность.

Глава 2

ДИОКЛЕТИАН: ЕГО СИСТЕМА УСЫНОВЛЕНИЙ И ПРАВЛЕНИЕ

Исполнились знамения и оправдались предсказания оракулов, когда сын далматинских рабов, принадлежавших римскому сенатору Анулину, в возрасте тридцати девяти лет вззошел на трон мира. Мать и сын получили свои имена по названию крошечного родного селения, Диоклеи, близ Каттара; теперь Диокл, «прославленный Зевсом», из почтения к римлянам присвоил обычное латинское окончание и превратился в Диоклетиана. Элемент *Дио* продолжал напоминать о царе богов, отразилось и в *согномен* (дополнительном имени) императора – Иовий.

О военных достижениях, правлении и характере этого властителя (предмет, неоднократно обсуждавшийся) будет сказано в свое время. Сейчас нас интересует его особое понятие об императорской власти и то, как он берег, разделил и завещал эту власть.

Некоторым из предшествующих императоров распорядиться касательно короны помешала насильственная смерть; другие сознательно передали решение своим военачальникам. То, что Кар так бесцеремонно объявил своими преемниками сыновей, возможно, и стало основной причиной их падения. По-видимому, жена Диоклетиана, Приска, подарила ему только дочь, Валерию, и правитель вынужден был искать другое решение проблемы наследования. Если бы в империи царил мир, вопрос этот на время можно было бы отложить; но на границах собирались тучи, а в самой стране после смерти Кара появились толпы претендентов на титул – а ведь, по сути, власть Диоклетиана была такой же узурпацией, пусть даже и признанной сенатом. Где же искать спасительное средство?

Решение Диоклетиана, с одной стороны, свидетельствует о благородстве и интуитивном понимании происходящего, с другой – кажется неожиданным и странным. Опыт предшествующих десятилетий показал, что даже наиболее деятельных правителей, спасавших империю, неизбежно погубят предательство и разгулявшиеся солдатские страсти. Этого не могли предотвратить могущественные военачальники, окружавшие императора; кое-кто и не хотел, так как честолюбие пусть и осторожно, но все же подталкивало к трону. В итоге неминуемо должна была повториться ситуация, сложившаяся при Галлиене и тридцати тиранах, и в 285 г. все указывало на ее быстрое приближение; империя снова грозила распасться, может быть, навсегда.

Диоклетиан использовал верное средство: он окружил себя преемниками и равными по званию. Так венец честолюбивых мечтаний узурпаторов стал менее достижимым, и вероятность военных восстаний сократилась. Если бы даже пал один из императоров или цезарей, но не двое или четверо, находившиеся обычно в Никомедии, Александрии, Милане и Трире, тогда неумолимым мстителям оставалось бы только дожидаться расправы. Все добрые люди быстро поняли, кого поддерживать, чтобы не искать защиты у солдат. Кроме того, структуру, изобретенную Диоклетианом, выгодно отличала от прочих возможность разделения задач между правителями. Теперь проблемы решали спокойно, вдумчиво и хорошо, в соответствии с ясным общим планом.

Но система усыновлений, созданная этим императором, остается загадкой. Проще всего было бы, конечно, усыновить несколько одаренных братьев и распределить их по провинциям, и таким образом осуществить то, чего не сумел достичь род Кара, отчасти по вине Карина; преобразовать пунктирную линию цезарей в династию, к которой по определению тяготеет любая монархическая форма правления. Боялся ли Диоклетиан, что таким образом возвеличенное семейство сместит его самого? Человека столь могучего нелегко было отеснить. Потерял ли он веру в спасительную силу кровного родства в этот век нравственного разложения? Он сам женил цезарей на дочерях императоров. Или он просто хотел удовлетворить как можно больше

амбиций? Он знал лучше любого другого, что самых опасных людей удовлетворить нельзя; вряд ли он стал бы пытаться потрафить всем и добиваться всеобщей любви. Мы попробуем ответить на поставленные вопросы, рассмотрев конкретные ситуации и причины их возникновения – очевидные или предполагаемые, хотя недостаток материала не всегда нам это позволит.

Уже в 285 г., помня о крестьянском восстании в Галлии, Диоклетиан сделал своего товарища по оружию Максимиана цезарем, а на следующий год – августом. Их родство через усыновление отразилось в новом имени Максимиана – Геркулий, взятом в честь сына Зевса. После того как они вдвоем шесть лет вели непрекращающуюся войну с варварами, мятежными провинциями и выступавшими по всей стране узурпаторами, не деля между собой империю, в 292 г. они назначили цезарями двух военачальников – Галерия и Констанция Хлора. По этому поводу Диоклетиан заявил, что «в государстве должно быть двое старших правителей, обладающих верховной властью, и двое младших, в качестве помощников». Сын Максимиана Максенций был бесцеремонно обойден; вместо того были созданы искусственные узы сыновней преданности путем женитьбы цезарей на дочерях императоров. Галерий женился на Валерии, а Констанций – на Теодоре; последняя, строго говоря, была падчерицей Максимиана. Цезари прошли школу Аврелиана и Проба. Констанций был благородного рода, со стороны матери он приходился внучатым племянником Клавдию Готскому. Галерий был крепко сложенный сын пастуха, и потому любил говорить, что мать зачала его от бога, принявшего облик змеи, или, подобно Рее Сильвии, от самого Марса. Так образовались четыре двора, четыре правительства и четыре армии. Констанций правил Галлией и Британией; Галерий – Придунавьем и Грецией; Максимиан – Италией, Испанией и Африкой; а самому Диоклетиану, источнику всей их власти, остались Фракия, Азия и Египет. Более двенадцати лет среди людей столь несходных и, в некоторых случаях, столь грубых царяла поистине замечательная гармония, которая становится уж вовсе необъяснимой, когда мы видим, как один из правителей принимает участие в руководстве провинцией другого или – как мало Диоклетиан щадил в своих речах вспыльчивого Галерия, даже выступая перед целой армией. Все, что исходило от Диоклетиана – планы наиболее сложных сражений, решения самых сложных вопросов, – выполнялось безоговорочно, с сыновним послушанием; нет сомнения, что душой целого был он. «На Валерия они смотрели с уважением, – говорит Аврелий Виктор, – как на отца или даже как на великого бога; насколько это прекрасно и какое имеет значение для нас, доказывается на примерах братоубийств, начиная с основателя города и до наших дней».

Решающее испытание эта преданность выдержала в 305 г., когда Диоклетиан потребовал от императора Максимиана отречься вместе с ним от престола, о чем они договаривались задолго до того. Максимиан подчинился, хотя и с огромной неохотой. Он смирился с тем, что при провозглашении двух новых цезарей (Галерий и Констанций стали теперь императорами) его сын Максенций снова был обойден и что он сам, почтенный победитель багаудов, германцев и мавров, при этом назначении не имел права голоса. Эту привилегию Диоклетиан сохранил исключительно для своего приемного сына Галерия; тот объявил цезарем западной части империи надежного офицера Севера, а цезарем восточной части – его племянника, Максимиана Дазу. На долю Констанция Хлора выпало такое же испытание, как и Максимиану; хотя его и возвели в ранг императора, он вынужден был довольствоваться Севером в качестве будущего цезаря, вместо кого-нибудь из собственных сыновей. Христианские авторы восхваляют его благоразумную сдержанность, впрочем, совершенно зря.

В «De Mortibus Persecutorum» Лактанция, составленном вскоре после этих событий, пестро и ярко представлены личные мотивы этих поступков государственного человека. Гиббон понимал, что это не объективное повествование, что оно написано обиженным противником; в частности, неверно представлять отречение императоров как результат запугиваний Галерия. Но одна весьма примечательная деталь, вероятно, все же имеет под собой фактическое основание: Галерию приписано намерение отречься от престола через двадцать лет,

подобно Диоклетиану, если будет обеспечено следующее правление. Автор видит в этом добровольное решение, и его жгучая ненависть к данному человеку – причина крайней неохоты, с которой он об этом рассказывает. Но если мы не дадим ввести себя в заблуждение, мы увидим работающие здесь важнейшие принципы системы Диоклетиана, которые современники смогли постигнуть лишь отчасти. Установление двадцатилетнего срока пребывания в должности императора обеспечивало основу и безопасный контроль целостности страны. Ограничения состояли в том, чтобы наложить на усыновление и наследование печать необходимости и обязательности. Но на следующий, 306 г. вся система безнадежно развалилась, так как власть захватили сыновья императоров, решившие, что они были несправедливо обойдены. Константин (Великий) при поддержке войска объявил, что он наследует своему отцу, Максенций добился для себя Италии, и даже старый Максимиан позабыл о своей нежеланной отставке, чтобы помочь сыну. Это нарушение установленной Диоклетианом преемственности обратило в ничто все принятые им меры, и империя, как он полагал, оказалась обречена. Естественно, что глубокой скорбью были полны последние годы его жизни, которые он провел, больной и усталый, в чертогах дворца в Салонах, замышлявшегося как римский военный лагерь.

Вообще говоря, идеальная система государственной власти, как она представлялась Диоклетиану, являет собой нечто довольно странное и в своем роде замечательное. Рассматривая возможные результаты правления военачальников (к которым относились все императоры той эпохи), мы должны приготовиться к интересным открытиям; нельзя с точностью утверждать, что из опыта современной Европы пригодится нашим потомкам. Двойной двадцатилетний срок с принудительной отставкой; назначение цезарей; особые привилегии для старших императоров; вечно раздраженные и обиженные пренебрежением к их сыновьям отдельные правители – так создавалась искусственная династия. В результате принципиального разделения власти обеспечивалась определенная ее безопасность, и задача узурпатора, пришедшего извне, становилась бесконечно более трудной при наличии четырех правителей, нежели одного, – но как было предотвратить захват власти внутри самого императорского дома? Это лишь немногие из загадок, на которые Диоклетиан не дал ответов.

Для их решения недостаточным будет только выяснение политических и психологических причин. Отсутствующий элемент восстанавливается путем введения фактора религиозных суеверий, которые управляли всеми мероприятиями императора, пронизывая их.

О значении предзнаменований и пророчеств в жизни Диоклетиана уже упоминалось. О нем говорят как об «испытателе грядущего», «всегда следующем священным обычаем». Мы видим, как он, окруженный жрецами, усердно изучает внутренности жертвенных животных, исполненный беспокойства по поводу зловеще сверкнувших молний. Он обращал внимание на разные знаки даже в том, что касалось личных имен. Галерий должен был взять имя Максимиана, чтобы обеспечить магическую связь со старшим Максимианом, преданность которого была доказана; по той же причине молодой Даза принял родовое имя Максимиана. Очевидно, император претендовал на особые отношения с божеством, имя которого он носил; Юпитер очень часто появляется на аверсе его монет. Акт его отречения совершился под колонной со статуей Зевса в чистом поле близ Никомедии, и привлекает внимание восьмигранный храм этого бога в резиденции Диоклетиана в Салонах. Его официальные объявления также отличаются заметной религиозной окраской; вступление к закону о браках 295 г. читается как проповедь, и закон 296 г. против манихеев дышит личным чувством.

Его соратники были почти так же суеверны, без чего, впрочем, трудно было бы объяснить столь длительную их покорность. Они, конечно, прекрасно понимали, что своим возвышением обязаны исключительно мистическим соображениям. Что за удивительные тревоги, совершенно нам непонятные, предшествовали усыновлениям Диоклетиана! Например, во сне ему являлся некто и тоном, не терпящим возражений, повелевал выбрать в качестве преемника конкретного человека, чье имя называлось. Диоклетиан считал, что против него применяется

магическое воздействие, и в конце концов вызывал этого человека и говорил ему: «Получай власть, которой ты требуешь у меня каждую ночь, и не докучай своему императору, когда он отдыхает!» Мы не знаем ни того, к кому относится этот дворцовый анекдот, ни того, правдив ли он; тем не менее он, конечно, весьма показателен.

Максимиан был великим, по крайней мере способным, полководцем, и Диоклетиан, возможно, просто оказал ему уважение, как давнему поверенному своих высоких планов; но вполне может быть, что решающим фактором в его возвышении стала дата его рождения, совпадавшая с датой рождения Диоклетиана. Касательно Константина мы можем предположить с известной долей уверенности, что провозглашение его цезарем состоялось исключительно благодаря пророчеству жриц-друидок.

Констанций, как уже говорилось, был родом из Далматии; Максимиан – сын крестьянина из Сирмия (Митровица-на-Саве), родины мужественнейших императоров III столетия; Галерий был пастухом, родом из Дакии или Сардики (теперь София в Болгарии); Максимин Даза, по-видимому, из тех же земель; Констанций Хлор во время рождения сына Константина находился в Ниссе, в Сербии; Лициний, позднее выступавший как друг Галерия, был крестьянином из Нижнего Придунавья; родина Севера неизвестна. Есть вероятность (но нет объективных данных), что этих властителей связывала особая местная религия или ряд поверий. По поводу отречения Максимиана мы знаем только формулу, произнесенную им в храме Юпитера Капитолийского (находившегося, очевидно, в Милане): «Возьми назад, о Юпитер, то, что ты даровал». Обеты, жертвы и дары храмам, возможно, заменяли Диоклетиану то, для чего политическим его мероприятиям недоставало действенности и стабильности.

Читатель, не желающий принять наше объяснение, может предположить, что в случае с возвышением Максимиана Диоклетиан не мог отказаться от сотрудничества с человеком с его талантом к военному делу, а сына Максимиана Максенция обошел вниманием потому, что Галерий долго враждовал с ним. Однако согласуется ли подобный способ действий с характером Диоклетиана и его бесспорными качествами властителя – вопрос спорный. Есть некая глубинная значимость в его постановлениях, особенно в ограничении императорской власти определенным сроком. Если другие рассматривали эту власть как источник удовольствий, то Диоклетиан в этом обвинить было нельзя; он видел в ней долг и огромную ответственность, от которой следует держать в отдалении детей и стариков – для их же собственного блага и для блага империи. В то же время бралось в расчет разумное честолюбие цезарей – теперь они могли высчитать день и час, в который (если ничего не случится в промежутке) они получают трон. С чувством человека, который знает время своей смерти, через каждые пять лет император справлял сперва квинквенналии, затем деценналии, затем квиндеценналии; неумолимо приближались виценналии, когда он должен был сбросить пурпур. Такова была воля «всемогущих богинь судьбы», которых славил монеты, выпущенные в год отречения. Что его преемников уже ничто не связывает, Диоклетиан прекрасно понимал; но, по-видимому, он хотел подать пример. Более того, только установленный законом двадцатилетний срок мог гарантировать, что сыновья императоров останутся в стороне, что было бы невозможно при неограниченном сроке правления. Остается вопросом, было ли благоразумно умножать таким образом враждебные, разрушительные элементы в стране, где из-за строго фиксированного срока правления восстание вполне могло оказаться успешным; но были и средства противостоять мятежу. Во время болезни, предшествующей отречению Диоклетиана, в течение полутора месяцев люди не знали, останется ли он вообще жив; тем не менее ни один меч не поднялся против него в государстве, где царил порядок.

Интересно заметить, что те же проблемы и те же процессы имели место в государстве Сасанидов, недружелюбного соседа империи на востоке. О Бахrame III, находившемся у власти в течение всего нескольких месяцев 293 г., авторитетные источники в первую очередь сообщают, что у владыки Персии наследником, которого он сам избирал, был сын или брат, вре-

менно исполнявший должность начальника области и носивший титул шаха; сам Бахрам, пока был жив его отец Бахрам II, именовался просто шахом Сегана или Систана. После его короткого царствования, по-видимому изобиловавшего жестокими возмущениями, на трон вступил его младший брат Нарси, который затем провозгласил своим наследником сына Хормуза и в 301 г. удалился на покой, в тишину частной жизни, «под тень благости Бога». Согласно Миркхонду, на этот шаг его подвигли мысли о смерти, «чья пора записана в вечном законе и которой нельзя избежать». Возможно, маги предсказали точный час его смерти и этим лишили его радости жизни. Но существует также предположение, что Нарси хотел избежать превратностей царской судьбы, о которых он получил богатое представление, ведя войны с римлянами. «Путь долог, – говорил он, – часто человек должен подниматься, и часто – спускаться вновь». Нет ничего невозможного в том, чтобы пример Нарси оказал свое влияние на Диоклетиана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.